

СЕМИОСФЕРА

Внутри мыслящих миров

Глава 2. Внутри мыслящих миров

Цель лекции: выявить роль и значение коммуникации в культуре.

План:

1. Текст как смыслопорождающее устройство.
2. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (о двух моделях коммуникации в системе культуры).

Иоганн Гёте некогда написал:

«Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст».

Этот вопрос не потерял остроты. Напротив, с каждым новым шагом науки он, меняя формулировки, воскресает снова и снова. Однако на этом пути есть существенное препятствие: мы не можем удовлетворительно объяснить, что же такое этот самый интеллект, искусственно создавать который мы собираемся. Невольно приходит на память эпизод, рассказанный в мемуарах Андрея Белого. Его отец — профессор-математик, председатель Московского математического общества Бугаев — однажды вел научное заседание, где читался доклад об интеллекте животных. Отец, председатель, прервал референта вопросом, знает ли он, что такое есть интеллект; обнаружилось: референт не знает; тогда отец начал спрашивать сидящих в первом ряду: — Вы? — Вы? Никто не знал. Отец объявил: «Ввиду того, что никто не знает, что есть интеллект, не может быть и речи об интеллекте животных. Объявляю заседание закрытым».

Хотя описанный инцидент происходил в начале нашего века, положение в этой области мало изменилось. Причина, как кажется, в том, что интеллектуальная деятельность рассматривается обычно как уникальная способность человека. А изолированный, вне любых сопоставлений стоящий объект не может быть предметом науки. Таким образом, задача сводится к обнаружению ряда «мыслящих объектов», сопоставление с которыми позволило бы выделить некоторый инвариант интеллектуальности.

Определяя интеллектуальную способность с семиотической точки зрения, ее можно свести к следующим функциям:

1. Передача имеющейся информации (текстов).
2. Создание новой информации, то есть создание текстов, не выводимых однозначно по заданным алгоритмам из уже имеющихся, а обладающих определенной степенью непредсказуемости.
3. Память: способность хранить и воспроизводить информацию (тексты).

Изучение семиотических систем, созданных человечеством на протяжении его культурной истории, привело к неожиданным выводам о том, что эти же функции в той или иной мере свойственны и семиотическим объектам. И если в текстах коммуникативного свойства превалирует функция передачи информации, то в создаваемых искусством — вперед выступает способность генерировать новые сообщения. При этом было установлено, что минимальной работающей семиотической структурой является не один искусственно изолированный язык или текст на таком языке, а параллельная пара взаимно-непереводимых, но, однако, связанных блоком перевода языков. Такой механизм является минимальной ячейкой генерирования новых сообщений. Он же — минимальная единица такого семиотического объекта, как культура. Таким образом, культура оказывается двуединой и одновременно неразложимо-единой минимальной работающей семиотической структурой. Такой подход выдвинул понятие семиосферы и подчеркнул важность изучения семиотики культуры.

Одновременно оказалось возможным определить семиотические объекты этого рода как «мыслящие структуры», поскольку они удовлетворяют сформулированным выше признакам интеллекта. То, что они для своей «работы» требуют интеллектуального собеседника и текста «на входе», не должно нас смущать. Ведь и абсолютно нормальный человеческий интеллект, если он от рождения полностью изолирован от поступления текстов извне и какого-либо

диалога, остается нормальной, но не запущенной в работу машиной. Сам собой он включиться не может. Для функционирования интеллекта требуется другой интеллект.

Наблюдения относительно биполярной асимметрии семиотических механизмов неожиданно для нас получили параллель в исследованиях функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга. Наличие в индивидуальном мыслительном аппарате механизмов, функционально изоморфных семиотическим механизмам культуры, открывало новые научные перспективы. Вопрос о соприкосновении гуманитарной семиотики и нейрофизиологии оказался для многих неожиданным, но встретил горячую поддержку гениального лингвиста Якобсона, который называл врагов этой проблематики защитниками «безмозглой лингвистики».

Вопрос о необходимости получения для «мыслящих» семиотических структур начального импульса от другой мыслящей структуры, а тексто-генерирующим механизмам – получения в качестве пускового механизма некий текст извне, заставляет вспомнить, с одной стороны, о так называемых автокаталитических реакциях, то есть реакциях, когда для получения конечного продукта необходимо, чтобы конечный результат уже присутствовал в каком-то количестве в начале реакции. С другой стороны, вопрос этот находит параллель с нерешенной проблемой «начала» культуры и «начала» жизни.

В соответствии с выделенными функциями семиотических объектов мы делим изложение на три части.

В первой рассматривается механизм смыслопорождения в результате взаимного напряжения таких взаимонепереводимых и одновременно проецируемых друг на друга языков, как дискретный и пространственный. Этому соответствует минимальный акт выработки нового сообщения.

Второй раздел посвящен семиосфере – синхронному семиотическому пространству, заполняющему границы культуры и являющемуся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением. Если в центре первого раздела стоит текст, то соответствующее место во втором занимает культура.

Третий раздел посвящен вопросам памяти, диахронии глубины и истории как механизма интеллектуальной деятельности. Основной вопрос здесь – семиотика истории.

В последние десятилетия семиотика и структурализм переживали период испытаний. Правда, испытания эти имели разный характер. В Советском Союзе им пришлось пережить период гонений и идеологических обвинений, который сменился в официальной науке молчанием или стыдливым полупризнанием. На Западе эти научные направления подверглись испытанию модой. Увлечение ими было широким и выходило за пределы науки. Однако ни преследования, ни мода, столь важные в глазах посторонней публики, не оказывают определяющего влияния на судьбы научных идей. Здесь решающее слово принадлежит глубине самих этих концепций. Глубина же и значительность научных идей определяется:

- во-первых, их способностью объяснять и соединять воедино факты, до этого остававшиеся разрозненными и необъяснимыми;
- во-вторых, свойством обнаруживать проблемы, требующие решения, в частности, там, где предшествующему взгляду все казалось и так ясным. Эта вторая особенность означает сочетаемость с будущими научными концепциями.

Следовательно, долгую научную жизнь имеют те идеи, которые способны, сохраняя свои исходные положения, переживать динамическую трансформацию, эволюционировать вместе с окружающим их миром.

Говоря о семиотике сейчас, следует иметь в виду три ее различных аспекта.

В первом она являет собой научную дисциплину, предсказанную еще Ф. де Соссюром. Это область знания, объектом которого является сфера знакового общения.

Во втором аспекте семиотика предстает перед нами как метод гуманитарных наук, проникающий в различные дисциплины и определенный не природой объекта, а способом его анализа. С этой точки зрения, один и тот же научный объект допускает и семиотический, и несемиотический подход. Достаточное количество примеров может предоставить та же лингвистика.

Третий аспект лучше всего определить как своеобразие научной психологии исследователя, склад его познающего сознания. Подобно тому, как кинорежиссер привыкает смотреть на окружающий мир сквозь пальцы, сложенные по форме кадра и «вырезающие» из целостного пейзажа отдельные куски, исследователь-семиотик привычно преобразует окружающий его мир, высвечивая в нем семиотические структуры.

Эти три аспекта в своей совокупности составляют область семиотики.

Из идей Ф. де Соссюра в интересующем нас аспекте имеет смысл выделить следующие:

- противопоставление языка и речи;
- противопоставление синхронии и диахронии.

Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем:

- 1) социальное от индивидуального;
- 2) существенное от побочного и более или менее случайного.

Исходя из этих предпосылок, Ф. де Соссюр сформулировал главенствующее положение языка как в речевом акте, так и в лингвистической науке:

1. Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности. Он представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива

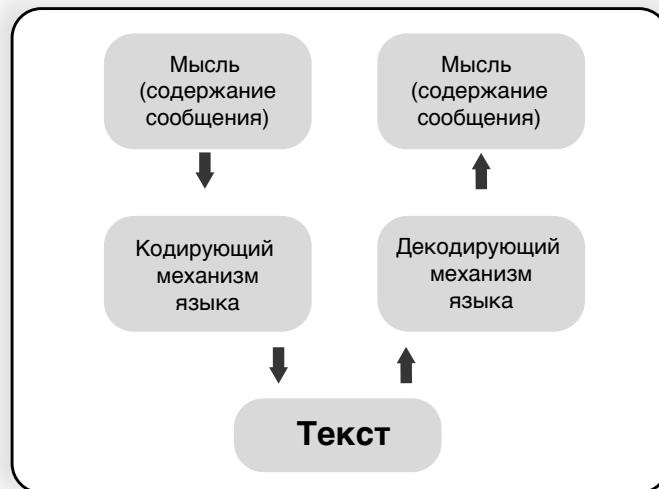
2. Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. Мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом. Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не привязаны к ее объекту.

В системе, разработанной Ф. де Соссюром и надолго определившей направление семиотической мысли, очевидно предпочтение исследованиям языка, а не речи, структуры кода, а не текста. Речь и ее отграниченная артикулированная ипостась – текст – интересуют лингвиста лишь как сырой материал, манифестация языковой структуры. Все, что релевантно в речи, дано в языке. Элементы, присутствующие в тексте, но не имеющие соответствия в коде, носителями смысла не являются. Принять язык за норму – означает сделать его точкой научного отсчета в определении существенного и несущественного для языковой деятельности. Естественно, что все, не имеющее соответствия в языке, при дешифровке сообщения «снимается». После того, как из руды речи выплавлен металл языковой структуры, остается только шлак. Именно в этом смысле наука о языке может обойтись без анализа речи.

Но за этой научной позицией стоит целый комплекс прямо не выраженных, почти бытовых представлений о функции языка. Если ученого-лингвиста интересует структура языка, извлекаемая из текста, то бытового получателя информации занимает содержание сообщения. В обоих случаях текст выступает как нечто, ценное не само по себе, а лишь в качестве своего рода упаковки, из недр которой извлекается объект интереса.

Для получателя сообщения представляется естественной такая логическая последовательность:

Можно себе представить некоторый смысл, который остается инвариантным при всех трансформациях текста. Этот смысл можно представить как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте. На такой презумпции построена модель «смысл – текст». При этом предполагается, что в идеальном случае информационное содержание не меняется ни качественно, ни в объеме: получатель декодирует текст и получает исходное сообщение. Опять текст выступает лишь как «техническая упаковка» сообщения, в котором заинтересован получатель.

За таким взглядом на работу семиотического механизма стоит убеждение в том, что целью его является адекватная передача некоторого сообщения. Система работает «хорошо», если сообщение, полученное адресатом, полностью идентично отправленному адресантом, и «плохо», если между этими текстами наличествуют различия. Эти различия квалифицируются как «ошибки», для избежания которых работают специальные механизмы структуры, в частности, избыточность.

Если увидеть в адекватности передачи сообщения основной критерий оценки эффективности семиотических систем, то придется признать, что все естественно возникшие языковые структуры устроены в достаточной мере плохо. Для того, чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, то есть, фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли бы как бы удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки — дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией. Даже утверждение, что оба участника коммуникации пользуются одним и тем же естественным языком, не обеспечивает тождественности кода, так как требуется еще единство языкового опыта, тождественность объема памяти. А к этому следует присоединить единство представлений о норме, языковой референции и прагматике. Если добавить влияние культурной традиции и неизбежную индивидуальность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному члену коллектива, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой весьма относительной степени. Из этого неизбежно вытекает относительность идентичности исходного и полученного текстов. С этой точки зрения, действительно, может показаться, что естественный язык плохо выполняет порученную ему работу.

Таким образом, очевидно, что для полной гарантии адекватности переданного и полученного сообщения необходим искусственный, упрощенный язык и искусственно-упрощенные коммуниканты: со строго ограниченным объемом памяти и полным вычеркиванием из семиотической личности ее культурного багажа. Созданный таким образом механизм сможет обслужить лишь ограниченный круг семиотических потребностей; универсализм, присущий естественным языкам, ему будет в принципе чужд.

Можно ли считать, что эта искусственная модель должна считаться образцом языка как такового, его идеалом, от которого он отличается лишь несовершенством — естественным результатом «неразумного» творчества природы? Искусственные языки моделируют не язык как таковой, а одну из его функций — способность к адекватной передаче сообщения, ибо, достигая совершенства в ее реализации, семиотические структуры утрачивают способность обслуживать другие, присущие им в естественном состоянии.

Поскольку смыслом в данном случае оказывается не только тот инвариантный остаток, который сохраняется при разнообразных трансформационных операциях, но и то, что при этом изменяется, мы можем констатировать приращение смысла текста в процессе этих трансформаций.

Следует отметить еще одну особенность – используя искусственные языки, мы отделяем смысл от языка. При сложных операциях смыслопорождения язык неотделим от выражаемого им содержания. В этом последнем случае мы имеем уже не только сообщение на языке, но и сообщение о языке, сообщение, в котором интерес перемещается на его язык.

В этом случае многие явления перемещаются весьма парадоксально. Так, например, при ориентации на константность сообщения, тот факт, что язык предшествует сообщению на нем и заранее дан обоим участникам коммуникации, представляется настолько естественным, что специально не оговаривается; даже в сложных случаях получатель сначала по каким-либо сигналам опознает, каким из известных ему кодов зашифровано сообщение, а затем уже приступает к «чтению».

Во втором случае возможен противоположный порядок: сначала дается документ, а затем уже реконструируется его язык. Такой порядок вполне естественен, когда мы получаем в руки обломок далекой от нас культуры. Речь может идти не только о словесных текстах на неизвестных языках, но и о вырванных из контекстов памятниках искусства и материальной культуры, функции и смысл которых археологу предстоит реконструировать. Еще более обычен этот случай в истории искусства, так как всякое новаторское художественное произведение является произведением на неизвестном аудитории языке, который еще должен быть реконструирован и усвоен адресатами. Возможность такого «самообучения» адресата обуславливается, во-первых, тем, что в любом, даже предельно индивидуализованном языке не все индивидуально: неизбежно наличествуют уровни, общие для обоих участников коммуникации, служащие базой для реконструкции.

Во-вторых, это «индивидуальное» и новое неизбежно базируется на определенной традиции, память о которой актуализована в тексте. Наконец, в-третьих, язык искусства неизбежно гетерогенен и, предельно удаляясь от полюса мета – и искусственных языков, он – парадоксально – обязательно включает элементы рефлексии над собой, то есть мета-языковые структуры. Опыт европейского авангарда убедительно свидетельствует, что чем индивидуальнее художественный язык, тем больше места занимает авторская рефлексия, направленная на язык и включенная в его же структуру. Текст сознательно превращается в урок изучения языка.

Итак, спектр текстов, заполняющих пространство культуры, рисуется нам как расположенный на оси, полюса которой образуют искусственные языки, с одной стороны, и художественные – с другой. Остальные помещаются на разных точках оси, тяготея то к одному, то к другому полюсу. При этом надо иметь в виду, что полюса этой оси – абстракция, не осуществимая в реальных языках: как невозможны искусственные языки без некоторого, хотя бы зачаточного синонимизма и других «поэтических» элементов, так неизбежны метаязыковые тенденции в языках с демонстративной тенденцией к «чистому» поэтизму.

Возможность выбора одной из двух позиций за точку отсчета в подходе к языку влечет существенные последствия. В одном случае информационная точка зрения представит язык как машину передачи неизменных сообщений, а поэтический язык предстанет как частный и, в общем, странный уголок этой системы. В нем будут видеть лишь естественный язык с наложенными на него добавочными ограничениями и, следовательно, со значительно суженной информационной емкостью.

Третья функция текста – функция памяти. Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура предшествующих эпох доходит до нас во фрагментах. Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязанных отрывков. Но для воспринимающего текст – всегда метонимия реконструируемого целостного значения, дискретный знак недискретной сущности. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным

образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью, отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь.

Любая культура постоянно подвергается бомбардировке со стороны падающих на нее, подобно метеоритному дождю, случайных отдельных текстов. Речь идет не о текстах, включенных в определенную связную традицию, оказывающую влияние на ту или иную культуру, а именно об отдельных возмущающих вторжениях. Это могут быть обломки других цивилизаций, случайно выкопанные из земли, случайно занесенные тексты отдаленных во времени или пространстве культур и проч.

Итак, создание единой модели коммуникативных ситуаций было существенным вкладом в науки семиотического цикла и вызвало отклик во многих исследовательских работах. Однако автоматическое перенесение существующих уже представлений на область культуры вызывает ряд трудностей.

Нам еще придется подвергнуть анализу обязательность наличия в едином механизме культуры изобразительных и словесных связей, которые могут рассматриваться как два различно устроенных канала передачи информации.